

Живопись в храмовом пространстве и молитва

Возможно ли, не устремляя себя на заведомо ложный путь познания образа, рассматривать живописное убранство храма как совершенно независимое, самостоятельное художественное явление. К этому зачастую склонна укоренённая десятилетиями традиция искусствоведческого подхода в научном исследовании живописи. Живопись в храмовом пространстве изучается сам по себе, даже если имеется в виду религиозный контекст, встроенность и настроенность изображения на литургию, на личную молитву человека перед Богом. В лучшем случае живопись рассматривается исследователями, как целостный пространственный образ... и только. На наш взгляд, при рассмотрении пространственного образа невозможно осознание видимого без помышления о нём, как о неотъемлемом участнике литургического действия. Основное и единственное назначение храма в создании архитектурно организованного пространства для совершения таинственного воссоединения человека и Бога, твари и Творца. Пространство храма есть сакральное, освящённое место общего служения в сочетании личных молитв, место собирания уединённых личностей и таинственного превращения одиночеств в собор сослужащих, сомолящихся личностей, едино-мысленно, едино-сердечно, едиными устами исповедающий Христа. Храм есть место во-ображения человека и совокупной Церкви в устремлении к Богу. Место сугубо личного и вместе с тем неразрывно соборного единения людей во Христе. Место и личной, и соборной – церковной встречи со Христом, присоединения к Нему, воссоединения с Ним. Место таинственного восприятия Христа. Место таинственного восприятия Христом Церкви, о-Божения человека в причастии к Нему. Живопись, окружающая, сопровождающая это сакральное назначения храма и таинства не может быть ценна сама по себе, но как часть специально обустроенного к Богослужению пространства - участвует в сакральном действии. Храм объединительно устраивает собор, со-чиняет людей в мистическое тело Христа – в Церковь Христову. Люди таинственно образуют собою действительно родственный, единый, целостный во Христе чин, шествие переходящее от пути земного к небесному, к о-Божению во-церковлённой личности, как части целостной церкви Христовой. Человек перестаёт быть некоей монадой, замкнутой внутри себя, но открывается сочленению с Церковью – телом Христа, открывается Богу изнутри Церкви, как части самого себя. Во-церковлением реализуется и первая и вторая евангельские заповеди о Любви. Заповедь о любви к Богу – в раскрытии себя перед Твоцом, в доверии себя Богу, в личном принятии Творца. Заповедь о любви к ближнему – в раскрытии себя перед тварью, как перед самим собой. Любовью - умалается личность перед Богом – к восприятию Его, к о-Божению. Любовью - умалается личность перед ближними – к восприятию Церкви Божией, к во-церковлению, к вхождению в много-ликий собор, сослужащий Богу и воспринимающий Христа. Со-чинённый, со-членённый, со-единённый в Церковь народ Божий, не живёт, не существует вне Бога, но лишь Христом и во Христе. Именно в этом таинственном сосуществовании и участвует, совершенно непосредственно – полновесно - бытийствует храмовая живопись, настраивая храмовое пространство на цель совершающегося в нём, и раскрывая образом – путь к таинственному свершению взаимного проникновения и единения с Богом. Можно сказать так, что храмовая живопись в каком-то смысле всегда духовно - утилитарна, то есть имеет своё функциональное, целеполагающее и мотивирующее назначение, действенное начало и духовную цель – Бога. Образ в пространстве храма не есть продукт абсолютно

свободного, личного творчества автора на потребу от-странённой и созерцающей публике, её вкусам, но в некотором смысле - продукт общего церковного делания, настроенный на это общее делание и на делание сугубо интимное, личное. Нельзя воспринять Бога сообществом людей вне личного восприятия. Но нельзя воспринять Бога вне соборного воссоединения в церковь, вне воссоединения человека с соборной личностью – Церковью, которой не одолеют врата ада. Эта антиномия разрешается православной практикой, разрешается и укрепляется, утверждается, обретает жизненные силы усвоенным церковью образом, торжествует в торжествующем образе. Торжество православия – и есть торжествующий образ соединения человека и Бога, личности и Творца, личности и собора, собора и Господа Бога нашего, - Господа лично моего и Бога нашего. Господь и Бог мой – неотъемлем от Господа и Бога нашего. Вот эти оттенки смыслов – не-переменно – звучат и выражаются храмовой монументальной живописью. Вне этого звучания живопись просто не прочитывается, она умертвляется отстранёнными рассуждениями о ней, как о явлении, существующем само-стоятельно. Само-бытийствующее художество в церкви не-переменной, самостоятельная живопись, – не была бы нам и ныне столь близка, не затрагивала бы в нас столь глубинные, общие, глубоко потаённые наши составы. Непеременная и жива литургия, жив Господь в таинстве и вне таинства Богослужения... и жива непременная живопись, как облачение литургического действия. К чему всё это рассуждение? К тому ли, чтобы в самом себе, по возможности, остеречься, отстраниться от самой традиции размышления о живописи, как о самостоятельном художестве в храме, от живописи, как явлению искусства. Если так, то вполне были бы достаточны нам научные рассуждения о стиле, технологии создания, об иконографических знаках... Удовлетворили бы тогда изыскания в аналогиях при сопоставлении изображений и выявленных нюансах, об исторических обстоятельствах жития образа... Никакой литургии в подобных суждениях о внешнем существе образа, словно бы о внешнем человеке. Никакого помышления о восприятии Бога по милости Его, по преизбытку его благодати, о Нетварных энергиях, про-исходящих к нам через образ Божий.

Вместе с тем, вполне обоснованно рассуждать о некотором промежуточном, двойственном положении церковной живописи, иконописи, тем более живописного храмового убранства. С одной стороны, перед нами – область научного исследования, ведения об искусстве. Законы искусствоведения распространяются на церковный образ и властвуют над рассуждениями. С другой стороны, художество церковное – в контексте и в среде литургии не является одним лишь искусством, но образотворчеством, одним из видов такового. Образ являет путь, открывается, отверзается перед очами зрящими, оживотворяет очи незрящие - и предлагает перед нами область к деятельному соучастию во взаимном проникновении человека и Бога. В познании образа, как соучастника Боговедения в религиозном акте связи твари и Творца, - нет места ведению об образе, как о самостоятельном предмете искусства. Эта сторона для традиционного искусствоведения останется чуждой, либо профанной, непосвящённой в истинное научное знание, не интересной, утилитарной, не научной, - и не будет, собственно, объектом изучения. Образ являет путь, религию, как связанность миров видимого и невидимого, - и не может быть подчинён науке, отвлечённой от Бога. И отвлечённый от религии, самостоятельно познающий разум, воспримет ли образ, как посредника в живом Богообщении. Тонка посредствующая грань образа, грань между мирами. И неведомы последствия

приближения к этой грани - образу верующего, доверительного Богу сердца – и познающего, отстранённо разумеющего ума. Сердцу возможно остыть в самонадеянном горделивом пылании – перед откровенным образом... Уму возможно возгореться образным прозрением – оживляя религией вялое сонное существо внутреннего человека. На грани предстояния образу ведение о предмете искусства должно бы событийствовать личному религиозному опыту, практике молитвенного сочувствия и восприятия образа, практике, лишённой как экстатического самообольщения, так и эстетических пред-рассуждений, художественных пред-определений, научно-исследовательских пред-посылок к заблуждению собственным умствованием ввиду образа.

Так в рассуждениях о Боге и в рассмотрении образа Божиего мы неизменно должны, принуждаемы самим предметом рассуждений и рассмотрения – занимать какую – либо мировоззренческую позицию. Несколько упрощая, но не уклоняясь от нашего понимания, скажем, что это позиция либо Православной церкви в развитии учения о Нетварном свете и Торжестве православия в Само - раскрытии, Само – откровении Бога и почитании образа... либо позиция Варлаамитского толка – учёного скепсиса и отвлечённого рассуждения о замкнутости Божества внутри Себя. В пределе первого – о-Боженный человек... спасение и Жизнь Вечная будущего века. В пределе второго – отвлечённый от Бога Богослов, вырождающийся в философа, человеко-бога, эстетствующего Бого–борца... И мы неизбежно, помимо нашей воли, – нам, вступающим в область размышлений, рассуждений об образе не дано иного, – занимаем одну из этих против-стоящих позиций личного воззрения на мир Божий через врата образа Его. Можно бы сказать, что эти позиции – подобны позиции боевых порядков помыслов и молитв, приближающих полемику умозаключений и созерцаний к области брани духовной.

На тонкой грани полемического противостояния – почитание образа, как само-достаточного явления, поклонение образу вместо Первообраза, выявление в самом образе источника света – предмета рассмотрения и устремления молитв. Соблазн Красотой, явленной в образе... Любование образом с малым, совершенно незначительным отстранением от Бога – уже так губительно для нас... увы – губительно. От того, быть может, от благоговейного страха прегрешения в любви перед образом строгие подвижники молитвы – не отвергают, и по сей час – не отвергают от особо чтимых святых образов – святых риз. «Скоропослушница» афонского Дохиара... «Иверская» Одигитрия – почитательно-благоговейно облачены ризами... и притенён лик в тусклом свете лампад и свечей. Можно бы сказать, что всяческая живопись в образе – утаена как прежде, сокрыта покровом благочестивого неведения... Оставлено лишь молитвенное почитание растворяющееся в веках традиции, веке текущем и чудо – ответного благоволения от образа, вообще вне зависимости от намоленности, стиля, канона... качества его написания.

Практическое единомыслие исповедования Торжества Православия перед образом вполне воинственно отсекает от своей полноты произрастающей в Бога - отверженную от целого – ересь, как соль потерявшую силу, как ветви засохшие – и отшвыривает их прочь. И горе тем, кто хотел бы примирить здесь позиции противоборствующих, угасить полемический жар, сдабривая пищу песком вместо соли... ожидая спелого плода у отсохшей и согнившей ветви... Не примем ли погибели с таковою пищей... Не истощим

ли свои дни в пустых ожиданиях. Не вольёмся ли своею жизнью в путь ложный, погибельный. Итак, мы неизбежно, даже и не помышляя о том, даже и пытаясь воспротивиться, – занимаем одну из противоборствующих позиций, одну из точек воззрения на образ. Либо это точка человеко-центричная, либо точка эта пребывает в Боге... да простят мне, грешному, слушающие либо читающие таковое дерзновение в суждении. Изводя рассуждения об образе из человеческого разума, как из некоего абсолюта вне Бога, или Бого-равного органа-образа в нас, мы впадаем в древнюю прелесть, рассуждаем от-странённо и от образа, и от Бога. Так, мы претендуем на то, что некая реальность, некая познаваемая истина может бытийствовать вне Бога, в нас – и мы помышляем о приближении к этой понятой нами реальности, к некоей истине, которая не есть Сам Бог. И не усваиваем Бога... и не усваиваемся Им. Для разума заблудшего истина – нечто от-влечённое, само-стоятельное от Бога и от образа Его. Рассуждения об образе исходя из этой позиции, размышления о Боге Истине вне Бога представляется достаточно странным занятием – играю в бисер, играю смыслами, играю мечтаний, играю параллельных и взаимно перпендикулярных взаимозависимостей, распространённых во времени и пространстве. Рассуждение об образе не востекает к Логосу, логосности, к познанию Бога – Слова, к в-разумлению Богом – Словом через усвоение разума – Логосу. Человек не возводится к Логосу – Христу через образ, через логос образа, через иконо-логическое постижение и проникновение. Но на пути исследования вне Логоса Христа – одни лишь типо-логические пути, тропы в долины топкие, мутные. Сама возможность иных рассуждений, иного пути от иной точки воззрения на мир – изнутри заблуждения почитается чуждой, враждебной. Рассуждения на этих, иных, путях образования через приникание ко Христу и во Христе – почитается жизнью чуждой, бытием на иной планете. Совместимы ли эти планеты... эти пути... едина ли Цель у них...

Иной путь предлежит человеку иное ведение образа, – веруем так! На этом пути сознание человеческое, не скажем об о-Боженности, но, по крайней мере, о позиционном расположении мысленного взора, о точке воззрения на мир, – Богоцентрично. На этом пути в центре нашего разумения и устремления – Сам Господь, но не наши мысли о Нём. И мы не скрываем этого от себя этой Цели, недостижимой нашей немощью перед Нею. Но мы и лично, и соборно прежде всего – устремлены к Богу и пытаемся в этом устремлении – раскрыть для себя образ иконный в искусстве – и образ иконный в самом нашем существе перед образом – произведением человеческих рук. Тогда наши рассуждения имеют Творца Бога – в неизменном средоточии, некоей точкой отсчёта Начала и Завершения, нашей Альфой и Омегой, лично моим, принятым и желанным – Путём, Истиной и Жизнью. И рассуждения об образе, будут, как и всё живущее в нас, – устремлены к теофании – к Самооткровению Бога в образе перед нами. По крайней мере, такова Цель рассматриваний и рассуждений о видимом... в ожидании действенного отвера. Видим ли мы вообще познающей тьмою в очах своих то, что задано видеть в образе. А образ Божий настроен на то, чтобы мы сами перед видимым, следуя видимому, – приближались к Богу, исправляли пути Бога – к себе. Тогда в рассуждениях об образе мы неизбежно будем Богословствовать и говорить о живой, животворной взаимной связи Творца и творения. Словно бы проводящей мембраной, по-средником в этом общении будет выступать образ, проводящий движение как в одну, так и в другую сторону. От Первообраза – Бога к образу в человеке... и от человека к Богу. Мы можем говорить об образе, как о рукотворном посреднике, существующем независимо от нас, – и это путь

рассуждений видится не вполне достаточным. Но научные суждения могут лишь незначительно дополнить их. Если мы рассматриваем, только лишь человека, предстоящего и молящегося... рассуждающего перед образом, пытаемся понять то, как воздействует образ, - нам также едва ли стоит надеяться на постижение чего-либо. Душевные движения и порывы ума к восприятию могут быть мнимы, обманны. Дух в личности столь часто – угашен, ум – немощен объять Христа, а движение Духа Божиего – неисследимы... Тем не менее, единственно верно, как видится, раскрывается образ рассуждениям о нём, молитвенному восприятию его, если мы, не опуская молитв и почитания Первообраза, рассматриваем в образе одновременно и неразрывно: то, как он устроен именно в качестве проводящего рукотворного органа между тварью и Творцом, при этом рассматривая тварь, самого себя, под воздействием образа, то как воспринимается образ человеком. И действительно оживить наше рассуждение способно лишь только личное, живое восприятие, опыт личного откровения перед образом... опыт, пусть самого малого – откровения Бога к нам.

Как соотносятся образ Божий, живущий в человеке, и образ живописанный, рукотворный, вымоленный, намоленный... открывшийся перед нами внезапно. Как образ в человеке отзывается образу живописному, как художественно организуется эта взаимная связь, это со-образование, со-образность, для которой, собственно и устраивается эта живопись. Возможно ли вообще отвлечённо рассуждать об этом... В сочетании рассуждения с пусть самым малым личным опытом личного молитвенного прилежания к образу в нашем понимании эта проводящая «мембрана» расширяется за пределы живописного пространства и объединяет в себе, таинственно присоединяет образ Бога в человеке, со-образованный с образом живописным. И человек во-образённый, со-образованный, со-образный - становится частью обустроенного, приуготовленного молитвенного пространства между тварным миром и миром Божьим, частью вместилища Бога. Попробуем рассуждать так, надеясь не погрешить, не уклониться помыслом от Истины. Это взаимоотношение не может быть предметом внешнего рассмотрения, но более свидетельством личного опыта, о котором правильнее бы благочестиво - умолчать устам, но не высказывая, не привлекая его в суждениях об образе, мы выстраивая в себе табу словам о сокровенном и будем обречены на ложь, от-странённую от опыта вынужденную неполноту суждений.

Личность – перед образом. Собор личностей в многоликкой, соборной Церкви, исповедующей Бога едиными усты, единым сердцем, единомысленно. Со-образованные в литургии, в совместном служении личности мистически - со-членяются в едином теле Христовом – Церкви. Со-чинённая из личностей – единым чином Церковь во-образена в тайнодействие образом Божьим и таинством общей молитвы, литургии. Соборный образ Церкви, собор личностей неразделим во Христе и обрамлён, вмещён монументальным пространственным образом Божьим в храме. Пространственный образ не может подменить, заменить собою таинство общей молитвы, но является вместилищем этому таинству, сопровождает его, образует общее служение Богу. Живописный либо мозаичный образ в пространстве – лишь одна из граней сногосоставного пространственного образа. Одна из граней, наряду с архитектурой храмового объёма, драматургией литургии, произносимыми словами молитв, звуками песнопений, запахом и сустроением символики света... В возгласениях священнослужителя у престола

«едиными усты, единым сердцем...» - концентрирована суть единения личностей внутри образа за Богослужебным таинством. В таинственно и чинно составленное живое сослужение Церкви Божией, Церкви Христа, - вовлекаются силы небесные «ныне – силы небесные нам сослужат». Пред образами Бога и в этих образах, в живописанных и в живых, во-человеченных, – встречаются и таинственно соединяются, вникая друг в друга, церковь земная и Церковь Небесная предвечная, воинствующая церковь и Церковь торжествующая. Святые Божии и люди ещё живущие, соединены и предстоят в общем делании, - люди молящиеся с нами и уже отошедшие от нас... Церковь литургисающая ныне и грядущая, которой не одолеют врата адовы до скончания века. Отцы, поклоняются Жертве – и чада церковные, рабы – члены Христовы, чада, сыновья Божии – братья и сестры во Христе – предстоят этой Жертве, действительно – совершаемой в литургии приносимой перед нами на жертвеннике и пресуществляющей Себя на престоле. Мы – действительно вкушаем живого Христа из общей чаши – так же, как это про-исходит в небесной литургии – образно перед нашим взглядом. Мы - предстоим Троице в образе Её – так же, как предстоял Авраам Троице... Именно мы и теперь, за Богослужением... Иначе – зачем перед нами образ... зачем эти высокие – небесные смыслы слов, песенно произносимых за «Херувимской».

Рассуждение об образе, истекающее от иных точек воззрения на Бога и человека перед Ним, перед образом Его, от иных точек воззрения на Бога – Слово, от иных Богословских позиций, от иных позиций миро-воззрени... остаётся рассуждением внешним, не причастным к существу, являемому образом. Остаётся рассудочным действием, произведением ума, которое не может претендовать и не претендует на причастность Богу. Именно на таких позициях остаётся научный взор на образ, пусть и по некоему интеллектуальному высоко-мерию ли, смирению, честности перед самим собою перед Богом, недостижимым по Его существу. От псевдо смиренного ли ощущения своей личной недостаточности, не достоинства перед Творцом, трагической и непреодолимой разделённости с Ним и невозможности восприятия Бога усилиями падшего человеческого естества. Словно бы не воплощался Спаситель, чаемый нами во втором пришествии... словно бы не преподаёт нам во исцеление и в Жизнь Вечную Самого Себя в Святых Дарах... Умственные сугубо апофатические эскапады остаются на грани Богоотрицания, едва не преступая через неё, через эту грань, на грани «проклятого афеизма» – сводятся к отрицанию опыта и суждений святителя Григория Паламы, принятого Церковной полнотой православия... к отрицанию доступности Бога для человека, к ограничиванию Бога в Его Любви, к заблудительному влечению человеческой личности во мрак Богоневедения с тем, чтобы в этой сверх-апофатической по-мрачённости предаваться умствованию удалённого разума, жонглированию смыслами перед созерцаемым, изучаемым и неведомым образом, выстраивая и самоутешительно, призывно - оправдывая своё существование вне Бога... Пусть в этих виртуозно вращаемых смыслах, словно бы пёстрые шарики в руках циркового жонглёра – мелькают яркие символы и значения, которые созданы и пред-назначены совершенно для иного, - они извлечены из иного контекста, из устойчивой текстуры образа, разобранный на фрагменты... Суждениями - перемешены малые кристаллы смыслов, извлеченные из иконы, созданной некогда единственно к одному только продвижению человека на встречу с Богом, с Единым - своим на потребу.

Образ в человеке и образ Божий в освящённой иконе – освящены Единым. В крещении – освящён человек к восприятию Христа. И Христос Бог – благодатно вочеловечивает Себя, вникая Причастием в тварное человеческое естество, неслиянно – смешивается с человеком, проникает в живые составы и в молящееся сердце. Освящением и совершающейся литургией – освящена икона, освящён монументальный образ в храме. И образы эти равно – ценны перед Господом. Не умалён человек в освящении перед храмом. Не умалён храм, живописанный образ пред человеком. Но и не возвеличен над человеком своею высокой значимостью. Можно бы сказать так, ничуть не умаляя образа в храме, что единая чётка молитвенной лестовки – не менее живописного образа готова управлять человеческое сердце в молитве к воссоединению со Христом. И не менее значима эта чёточка в нашем едином на потребу единении с Единым, не менее значима, чем весь пространственный космос Феофана... Выговаривая такое – сглатываешь слезу любви к Феофановому творению, выискивая внутренний баланс в молитвенном делании для себя самого, исключительно для себя... Да не возлюблю образа паче Христа. В Богослужении – со-образуются эти образы, - и храм пространственно образованный, и внутренний человек, и лестовка в руках человека внешнего, - равно возвеличиваются Господом. В освящении образы со-образованы с Единым Истоком святости, со Христом. В этом со-образовании, в этом во-ображении человека в Бога, пусть бы только в мировоззренческом восприятии его – путь и метод к уразумению того, что и как изображено перед нами в художественно ярком и ясном – монументальном пространстве иконы, здесь, в живописно украшенном храме.

Сложно разглядеть истинного человека, глядя на огреховленного и острупленного отступничеством ближнего, тем паче – на себя самого. «От них же (грешных) первый есмь аз» – произносим устами и сердцем о грехе в человеке, лично во мне - перед каждым причащением... перед каждым неизъяснимым в милости – снисхождением Бога в нас. Сложно говорить о во-ображении, со-образности, глядя на современную нам не со-образную, без-образную живопись иконников не понимающих, не ведающих, что творят... буквально распинающих Спасителя своим вне-образным живописанием. И не будем пытаться этого делать. Но здесь, в храме на Ильинской, перед нами, вокруг нас, – распространён светло-прозрачный, действительный и действенный – образ Бога. Образцовый – образ иконного пространства храма, созданный изошрённым творцом живого письма - живописи, раскрывающим образ в себе самом, безусловно - опытным стяжателем Духа Святаго Божьего, хитрым изографом Феофаном. Усилимся же вообразиться вместе с ним, через образы велико-лепные, с их помощью, с душевной, духовной - опорой на них - предстоя перед ними – Творцу всяческих.

Но, вглядываясь в него или молясь перед ним неоглядно, в предстоянии своём не исторгнем из памяти образа Иуды злочестивого. Этот апостол – перед нами в живописи апсиды – он причащается вместе со всеми учениками на Тайной вечери, усиливается приступить ко Христу в прообразовании Небесной литургии. С полнотою Богоприятия Иуда принимает духа чуждого, падшего... быть может, усваивает себе самого князя мира сего. Вот – образ проникновенной святости, которая для живущего на земле человека – не есть ещё незыблемое, устойчивое стояние пред Богом. Склонен ко греху, ползок во грех человек в своём предстоянии – зыбок, преткновенен путь его... увы. Не отвратим же взора своего... или ума своего... всполоха памяти своей – не отведём от ликов, изображённых

перед нами, удержимся во свете этих образов. Приникнем к образу путеводному. А паче – возведём мысленный взор - ввысь образного простора. Там - купол – гласящий колокол, взирающий Пантократором от Небес. Там – исток естественного света, становящийся монументальным иконным символом, проникающим, наполняющим всё внутреннее архитектурное пространство... возводящий и укрепляющий нашу немощь... высветляющий, затепливающий нашу зыбкую в неразумии, замирающую молитву.

Предстоит человек престолу Богослужения... В отворённых Царских вратах, выше себя, но в обозримом, достигаемом пространстве – видит образ причащающихся апостолов, Небесную литургию, – в осиянии естественного, живого утреннего света – символа света нетварного, невечернего – преподаются Святые Дары апостолам, всему чинопоследованию верных, шествующих чином святости... «Вечери Твоя тайныя – днесь, Сыне Божий, причастника – мя – прими...» - таинство совершается здесь и «днесь» - внутри храма, внутри собора верующих – внутри каждого человека. И таинство, выводящее символом за предел видимого, - явственно изображено перед нами. В символическом образе Тайная Вечеря раскрывает свою таинственную, сокровенную герметичность, неодолимую замкнутость. Таинство оживает и таинственное - сосуществует с нами, перед нами, вокруг нас и ощутительно, познаваемо в нас самих. Человек проникает в глубь этого таинства, сокровенное – проникает в человека, проникается человеком и насыщает человека Христом, Бог оделяет человека Собою Самим. «Всели Ся в ны», – стучится словом, молит – упрашивает человек... И отзывается Бог, и вселяет Себя – таинственно – в откровенного перед Ним человека. И человек - видит на изображении в апсиде то, что не явно, но действительно - совершается в нём. Свет естественный, природный – изливается на это изображение, изливается и на людей, текущих и приносящих к Чаше, принимающих Спасителя внутрь себя. Раскрывается завеса - катапетасма чувств, отворяя очам – видимое изображение. Льющийся свет, причащающиеся апостолы, литургическое священно-действие разворачивается осознаваемой драматургией действия и произносимых слов перед лицом предстоящих и молящихся людей... Светом ли, изображением только, - самим действием литургии – вмещаются люди – образы Божьи в растворенное таинство. Чинным последованием, подобным образу изображённому, совместным с образом, единовременным и вневременным, со-образным влечением - приникают верные к Святым Дарам... «Не я ли, Господи?» - произносит Иуда. «Не я ли, Господи? Буди милостив мне, грешному» - произносит предстоящий. Вечери Твоя тайныя – днесь, в Твоём вне – время, - причастником – мя – прими. Помяни мя Господи во царствии Твоём. И помяни и прими – так про-износит из себя Богу – каждый, приносящий днесь. Про-износит перед светом, льющимся из узких окон апсиды, в пространстве света, нисходящего сверху – вниз, во глубине символа света нетварного, в глубине, внутри пространственного образа храма... в окружении сил небесных, невидимо сослужащих, перед Лицом Господа, присутствующего неявно... и ощутительно... Принимаем во глубины своей человеческой личности – избилующую благодать Святых Таинств, личного Христа, усваиваемого во глубинах человеческой немощи.